

ПОЭТИКА ТВОРЧЕСТВА С. В. РАХМАНИНОВА

Гуо Кан

*магистр искусствоведения
(Китайская Народная Республика)*

Музыкальное наследие великого русского композитора и пианиста Сергея Васильевича Рахманинова (1873–1943) велико и многообразно. Наибольшую и самую значительную часть его творчества составляет фортепианная музыка (хотя композитор создавал музыку почти во всех жанрах).

На становление мировоззрения С. Рахманинова наложили отпечаток впечатления, полученные композитором еще в детские и юношеские годы. Это и привязанность к русской природе, русским народным песням, древним церковным напевам и звону новгородских колоколов; это и воспитание в музыкальной семье, и ранние занятия на фортепиано; это и учеба в лучших российских музыкальных учебных заведениях – Петербургской и Московской консерваториях у выдающихся педагогов Н. Зверева, А. Зилоти и композиторов С. Танеева, А. Аренского, и посещение концертов великих музыкантов. В зрелый период творчества музыкальная одаренность и успехи, достижения С. Рахманинова как в области композиторского творчества, так и исполнительско-пианистической и дирижерской деятельности также оказали огромное влияние на формирование и развитие самобытного творческого стиля.

Большинство фортепианных произведений С. Рахманинова концертно в самом широком смысле этого слова. Даже такие, казалось бы, камерные жанры, как прелюдия или музыкальный момент, композитор насыщает глубочайшим художественно-драматическим содержанием, которое приближает их к монументальным жанрам.

Сочинения для фортепиано, созданные Рахманиновым, включают две фортепианные сонаты, два вариационных цикла, пять фортепианных концертов – считая в их числе «Рапсодию на тему Паганини» – и две сюиты для двух роялей. Самые значительные из этих произведений – Второй и Третий концерты, которые входят в репертуар многих китайских пианистов (среди которых Лю Шикунь, Фу Тсонг, Ли Юнди, Ланг Ланг, Хуан Чуфан), и постоянно звучат в концертных залах Пекина, Гуанчжоу, Шанхая и других городов Китайской Народной Республики.

Наиболее полно самобытные черты рахманиновского пианизма проявились в музыке для фортепиано, исполняемой самим автором. Имя Рахманинова-пианиста стоит в одном ряду с именами Ф. Листа и А. Г. Рубинштейна. Одаренный пианист-композитор, С. Рахманинов создавал сложнейшие и прекраснейшие произведения для своего любимого инструмента, выявляя наилучшие свойства фортепиано – богатство тембров, динамических нюансов, колорит регистров, *sfumato* педализации и многие другие художественные характеристики звучания. Феноменальная техника, певучая глубина тона, гибкая и властная ритмика образовали в совокупности неповторимый исполнительский стиль Рахманинова, характерными чертами которого стали высокая одухотворённость и яркая образность выражения.

Рахманинов-пианист и Рахманинов-композитор – мастер огромного масштаба, его умение подчинить своей мысли звуковую стихию поистине поразительно. На концертах Рахманинова слушатели были всецело высокой художественной образностью исполнения, которая воплощалась и через прекрасную технику исполнения. Необходимо упомянуть об изумительном голосоведении, о «многотембровости» звучания рояля у С. Рахманинова. Он умел заставить жить самостоятельной жизнью каждый голос, насытить полифонией фортепианную

фактуру. Динамическое богатство рахманиновской игры – это проявление мастерства, исполнительской воли, направленной на воплощения разнообразных художественных задач. В игре Рахманинова динамические контрасты предельно выпуклы. Ярчайшее forte, извлекаемое руками пианиста, было на грани звуковых (технических) возможностей рояля, но при этом благородная красота звука не утрачивалась ни на мгновение. Это мощное forte впечатляло еще больше потому, что С. Рахманинов с равным совершенством владел и противоположной стороной звуковой динамики.

Именно в воссоздании сферы трагического С.Рахманинов достигал наивысших вершин своего исполнительского искусства. Как ни глубока была трагедия, всегда ощущалась сильная, непокоренная, протестующая личность. Это был титан не только по масштабу дара, но и по манере исполнения: титанические образы, титанические контрасты, нарастания. Так, как Рахманинов, умел завораживать слушателей только Ф.Шоппер. Автор монографии о С.Рахманинове А.Д.Алексеев справедливо замечает, что мужественный, волевой тонус рахманиновского исполнения был «олицетворением силы человеческого духа, его способности к действию, борьбе с выражением прогрессивных общественных устремлений своего времени» [1, с. 195].

Итак, мужественность, энергия, суровый, трагический колорит – вот те черты, которыми едва ли не сильнее всего впечатляет игра Рахманинова. Драматически насыщенная, острая ритмика С. Рахманинова – черта, в известной мере роднящая его отчасти с Р. Шуманом, отчасти с Л. Ван Бетховеном. В ритмике, несокрушимо твердой (а иногда предельно гибкой: вспомним необычайное по своей свободе, почти прихотливости рахманиновское *rubato*), проявляется, прежде всего, мужественный, волевым тонус рахманиновского исполнения. Параллель с творчеством А. Рубинштейна здесь совершенно очевидна. Заметим, что в рахманиновских *rubato* никогда не было ни тени расплывчатости благодаря ритмической четкости, определенности завершающих каденций (окончания пьес, разделов).

«Не все поняли и оценили рахманиновское *rubato* и *espressivo*, – пишет Н. К. Метнер, – а между тем оно всегда находится в равновесии с основным ритмом и темпом, в контакте с основным смыслом исполняемого. Его ритм так же, как и звук, всегда включен в его музыкальную душу – это как бы биение его живого пульса» [2, с. 142.]. В отзывах о рахманиновской игре можно встретить сравнения: «львиная повадка», «львиная лапа», «рыкающий лев». Сравнения эти вполне оправданы стилем рахманиновского пианизма. Рахманиновский пианизм – выражение смелого порыва, энергии, сурового драматизма, благородной мужественности, которые в совокупности и создают самобытный рахманиновский стиль (исполнения и композиции).

Среди характерных черт исполнительского стиля С. Рахманинова необходимо особо отметить кантилену. Ощущение поэзии природы – именно русской природы, красота которой так полно проявилась во многих сочинениях Рахманинова, – естественно нашла своеобразное отражение и в его игре. Недаром в последние годы московской жизни одной из любимых пьес Рахманинова (и его слушателей) была транскрипция «Сирени». Сдержанность, целомудренная собранность созерцательной лирики С. Рахманинова подчеркивалась, углублялась его исполнением.

Игра С. Рахманинова была насыщена эмоциями, всегда сдержанными, но достигавшими высокой степени интенсивности. Эмоциями, целиком подчинявшими себе слушателей. Покоряла и несокрушимая логика рахманиновской игры. Логика формопостроения и эмоциональная наполненность произведения в его игре были неразделимы. Это не была формальная логичность, которая все тщательно взвешивает, ничего не упускает из виду, но в художественный образ как бы исчезает из звукового потока. Логика рахманиновского исполнения раскрывала живую мысль произведения; поражала огромной убежденностью и неотразимой убедительностью.

В фортепианной музыке С. Рахманинова появляются образы, близкие к эпическим полотнам М. Мусоргского и А. Бородина. Рахманинов перенес дух величественного и трагического эпоса, дух русской старины, возникший в опере и симфонической музыке, в сферу музыки фортепианной.

Итак, С. Рахманинов остался в истории последним крупным композитором романтической стилевой ориентации. Он не только подытожил, «замкнул цепь» художественных вершин отечественной музыки в рамках романтической традиции, но и подтвердил примером личного творчества актуальность художественных традиций прошлых веков для композиторов и слушателей XX столетия.

Музыкальные сочинения С. В. Рахманинова наиболее полно раскрывают красоту окружающего мира, что в целом характерно и для русской, и для китайской музыкальной культуры. С другой стороны, принципы раскрытия феномена красоты раскрываются с учетом национальной специфики. Эмоциональность китайской культуры проявляется в лаконизме художественного высказывания – «создать шедевр, используя только каплю туши» (национальная поговорка). В китайской музыкальной культуре отражены, прежде всего, нравственные ориентиры, и, в первую очередь, **стремление к истинной красоте**. А красоту музыкальных сочинений С. В. Рахманинова можно смело назвать всеохватной, бесспорной, классической. Именно поэтому поэтика фортепианного творчества великого русского композитора С. В. Рахманинова оказалась близка и понятна большинству китайских музыкантов.

Литература

1. Алексеев, А. С. В. Рахманинов. Жизнь и творческая деятельность / А. Д. Алексеев. – М.: Музгиз, 1954.
2. Понизовкин, Ю. Рахманинов – пианист, интерпретатор собственных произведений / Ю. В. Понизовкин. – М.: Музыка, 1965.
3. Асафьев, Б. Русская музыка XIX – начала XX века / Б. В. Асафьев. – Л.: Музыка, 1968.